

Проданик Надежда Владимировна

КНИГА ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ В АНТИЧНОСТИ И РУССКОЙ ЛИРИКЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Основная цель статьи - рассмотреть феномен книги в античности и русской поэзии Золотого века, в те литературные периоды, когда законодательницей поэтического вкуса выступала женщина-Муза. Ориентация на женскую аудиторию обусловила появление маленькой книги, процесс чтения стал интимно-сокровенным, книга же оказалась "венком" стихов-"цветов" (Мелеагр) или "памятником вечной красе" (Проперций). Поэты пушкинского круга, наследуя античные традиции, возродили феномен книги для женщины, и, вслед за Мелеагром, назвали свои стихи - "цветами". Феминоцентричность русской словесности в начале XIX века стала одной из причин появления книги-антологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

Основная цель статьи – рассмотреть феномен книги в античности и русской поэзии Золотого века, в литературные периоды, когда законодательницей поэтического вкуса выступала женщина-Муза. Ориентация на женскую аудиторию обусловила появление маленькой книги, процесс чтения стал интимно-сокровенным, книга же оказалась «венком» стихов-«цветов» (Мелеагр) или «памятником вечной красе» (Проперций). Поэты пушкинского круга, наследуя античные традиции, возродили феномен книги для женщины, и, вслед за Мелеагром, назвали свои стихи – «цветами». Феминоцентричность русской словесности в начале XIX века стала одной из причин появления книги-антологии.

Ключевые слова и фразы: история античной лирики; русская лирика Золотого века; книга для женщины; книга – «памятник вечной красе»; антология; метафора стихи-«цветы».

Проданик Надежда Владимировна, к. филол. н.

Омский государственный педагогический университет

omsk.nadezhda@mail.ru

КНИГА ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ В АНТИЧНОСТИ И РУССКОЙ ЛИРИКЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА[©]

В истории литературы не раз случались эпохи, когда Женщина становилась не только адресатом текстов, но и выступала законодательницей вкуса и поэтического стиля. Феминоцентричность вызывала различные новшества в литературном периоде: трансформировались образно-тематическая и жанровая системы (как правило, совершался переход от эпических жанров к лирическим), изменялась природа чтения, появлялись новые метафоры книги. Так, в греческой культуре сборник эпиграмм, адресованных в том числе и деве, представлял «цветочно-растительным венком» («Венок любви» – таково заглавие одной из эпиграмм в сборнике Мелеагра «Στέφανος») [7, с. 236], в римской культуре книга оказывалась «памятником вечной красе» (Проперций «Элегии») [4, с. 365]. Эта ориентация Поэта на мир женщины была обусловлена культурно-исторически: как пишет М. Л. Гаспаров, характеризуя александрийскую и эллинистически-римскую эпохи, основным занятием для мужчины было хозяйство, война и политика, в этих областях «...он был деятелем – в любви он был потребителем. Но для женщины – наоборот. Любовь для нее была не «досугом», а «делом» – семейным долгом, если она была замужем, источником заработка, если она была предоставлена самой себе... когда в мужской жизни раздвинулся досуг, то в ней больше места заняла любовь... делу нужно было учиться, а учиться можно было только у женщины...» [6, с. 101].

Именно тогда дева предстала новой Музой, лишь ее тонкий слух и чувство изящного могли по достоинству оценить, насколько искусны любовные песни поэта: «...Сладко мне было б читать в объятиях разумницы милой, / Чей утонченнейший слух песни оценит мои...» (Проперций «Элегии») [4, с. 311]. Вдохновение, в классическую пору родословно восходящее к Зевсу (как известно, Музы – дети Зевса), словно спустилось с Олимпа и стало вполне земным и осязаемым. Как утверждал Проперций, «Ни Каллиона, ни бог Аполлон мне стихов не внушают, / Нет, вдохновляет меня милая только моя...» (Проперций «Элегии») [Там же, с. 288]. Сюжет о поэте, с глазу на глаз читающем свои стихи красавице, довольно часто встречается в элегиях Проперция, он, сторонясь героических тем и учительного-назидательного пафоса, предпочитал искать себе славу на ином поприще: «...Кто тебе взятись велел за героический лад? / Нет, не надейся ты здесь снискать себе славу, Проперций; / Лучшие по мягким лугам в малой двуколке носись, / Чтобы почаще брала со скамьи твою книжку красotka, / Снова читая ее в час, когда милого ждет...» (Проперций «Элегии») [Там же, с. 363-364]. Текст в таком случае становился «ключиком» к сердцу избранницы и в любовных сражениях делал Поэта удачливее любого Героя-воина. Об этой удивительной способности стихов вспоминал Проперций, когда они были утрачены: «Значит, пропали они, заветные эти таблички? / Сколько прекрасных моих с ними пропало стихов!.. / К милости деву склонить они без меня успевали / И без меня разговор красноречивый начать...» (Проперций «Элегии») [Там же, с. 411].

Катулл и Проперций задают основные «параметры» новой книги и нового типа чтения: маленькая книга о любви и любимой противостоит многотомному историческому труду: «Эту новую маленькую книгу... / Подарю я кому? – Тебе, Корнелий! / Ты безделки мои считал за дело / В годы те, когда, первым среди римлян, / Судьбы мира всего вместить решился / В три объемистых и ученых тома...» (Катулл «Эту новую маленькую книгу...») [Там же, с. 19]. Катулл посвятил свою мини-книгу автору многотомного труда «Хроники» – Корнелию Непоту, однако, история, «гордость за дела отцов» и «память о славных полководцах» (Проперций «Элегии») [Там же, с. 259, 311] – все эти темы больше не вдохновляли лирического поэта. Его вдохновение приобрело любовно-эротическую природу – «...что женщина в страсти любовнику шепчет / В воздухе и на воде быстротекущей пиши!» (Катулл «Милая мне говорит...») [Там же, с. 127]. Воздушно-влажный стиль письма наиболее присущ любовным текстам, «...это стиль подвижный и живой, со всем очарованием и соблазном живого, чуждый строгости и назидательности, прихотливый, чувственный» [3, с. 71]. Для Катулла в этой

«воздушно-влажной» сущности книги был скрыт один важный намек – намек на женское непостоянство. И все же написанные на столь недолговечных «материях», как воздух и вода, книги о любви противостояли претендующим на вечность мраморным надписям. Как это ни парадоксально, именно славе влюбленного поэта, по мысли Проперция, суждено было преодолеть время и стать, соперничая со славой Горация, бессмертной [8, с. 156]: *«Рима мудрейших сынов славою я превзойду. / Мимо гробницы моей не пройдет молодежь молчаливо: / –Этишь ты, великий поэт наших кипучих страстей”...»* (Проперций «Элегии») [4, с. 260].

Схожая культурно-историческая ситуация сложилась в России на заре XIX века, когда состоялось открытие чувствительного героя и когда появился новый круг любителей словесности – русские читательницы. Об этом гордо заявил Н. М. Карамзин: «Уже почти во всех губернских городах есть книжные лавки; на всякую ярманку, вместе с другими товарами, привозят и богатства нашей литературы. Так, например, сельские дворянки на Макарьевской ярманке запасаются не только чепцами, но и книгами» [11, с. 118]. Бесспорно, это событие было подготовлено переломным XVIII веком, когда, наряду с произведениями, посвященными монаршим особам, появились тексты с посвящениями любимой, а сентиментальная эстетика стала считать женщину, хозяйку литературных салонов, основным судьей литературного вкуса. На ее язык, «очищенный от просторечия и вульгаризмов, от книжной речи, ориентировался Карамзин, реформируя язык литературы...» [5, с. 226].

Вместе с формированием женской читательской среды совершается нечто, подобное «революции»: чтение становится легким, беглым, тому способствовал даже формат книги, она перестала быть толстым фолиантом; в моду вошел малый формат издания и дамский журнал, который можно брать с собой и в сад, и в долгое путешествие. Причем «...носить с собой на прогулку книги было в те годы принято. В произведениях любимых писателей искали образцов точных эмоциональных реакций на те или иные впечатления жизни, сверяли по ним душевный настрой...» [9, с. 9].

Автору сентиментальной и романтической эпохи неважно было, насколько широк круг прочитавших его сочинение («*Когда из рук пойдете в руки*» – так писал о судьбе книги в середине XVIII века А. Кантемир, он рассуждал о жизни собственного текста в государственном масштабе) [10, с. 492]. Для писателя-романтика неизмеримо возрастает ценность одного, близкого по духу читателя и, в особенности, читательницы. Стихи и женщина буквально синонимизируются: ими восторгаются; им, как и любимой, прощаются все пороки: «...*К несчастью моему, мне надобно признаться, / Стихи, как женщины: нам с ними ли расстаться?.. / Когда не любят нас, хотим их презирать, / Но всё не престаем прекрасных обожать!*» (К. Батюшков «Послание к стихам моим») [1, с. 8]. Выступив главным адресатом журнала и поэтической книги, женщина способствует интимизации процесса чтения, оно становится сокровенным – с глазу на глаз: «...*Случалось ли поэтам слезным / Читать в глаза своим любезным / Свои творенья? Говорят, / Что в мире выше нет наград. / И впрямь, блажен любовник скромный, / Читающий мечты свои / Предмету песен и любви, / Красавице приятно-томной!*» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин») [18, с. 78].

Здесь можно вспомнить и XXXIV строфу 4-й главы «Евгения Онегина», историко-культурный контекст которой не был, на наш взгляд, полностью восстановлен комментаторами: так, у Ю. М. Лотмана и В. В. Набокова интерес Ленского к элегии и забвение оды рассматривается на фоне литературной полемики о судьбе оды в XIX веке [13, с. 244-245; 14, с. 435-446]. Не оспаривая этого, добавим, что жанровые предпочтения Ленского демонстрируют, насколько феминистичной стала литература, что, собственно, и заявляется в тексте как основная причина отказа от оды: «*Поклонник славы и свободы, / В волненье бурных дум своих, / Владимир и писал бы оды, / Да Ольга не читала их*» [18, с. 78]. Вдохновение поэта продиктовано вкусами возлюбленной, можно сказать, что Ленский как поэт «создан» Ольгой, неслучайно он сравнивается с Языковым, писавшим о женщине как своем демиурге: «...*Что ни заметит, ни услышит / Об Ольге, он про то и пишет: / И полны истины живой / Текут элегии рекой. / Так ты, Языков вдохновенный, / В порывах сердца своего, / Поешь, бог ведает, кого...*» [Там же, с. 77]. Как трогательно утвердил Н. М. Языков, именно возлюбленная «создает» Поэта: «*Когда-нибудь, порою скуки, / ...Вы бегло вспомните о мне, / Поэте, созданном лишь вами / В непоэтической стране*» (Н. М. Языков «Эпилог») [19, с. 622].

Стихотворение написано по поводу отъезда Александры Воейковой из Дерпта, тогда молодой Языков был влюблен в свою Музу, посещал ее литературный салон и боготворил. В свое время Платон настаивал: поэт «творит не ранее, чем сделается вдохновенным и иступленным, и не будет в нем более рассудка... Не в силу искусства и не в силу знания говорят они, а в силу божьей воли и одержимости» [15, с. 536], творчество поэтов-романтиков тоже сродни иступлению, но не божественному, а любовному экстазу. Недаром у Пушкина рождается сюжет творческо-эротического вдохновения, и он, шутя, утверждает: с музой я «*грешу*» (А. С. Пушкин «Дельвигу») [17, т. 1, с. 141], и создает лирический сюжет зимнего поцелуя, призывающего вдохновение («*Зима... Что делать нам в деревне. Я встречаю...*») [Там же, т. 2, с. 187-188]. Таким образом, дева у русского поэта, как и у Проперция, становится Музой, а в пику всякого рода ханжам, называющим чувственную лирику – развратом, цензор объявляется евнухом (Пушкин в «Послании цензору» сетует: «...*на святой Руси / Благодаря тебя, не видим книг доселе?... Докучным евнухом ты бродишь между муз...*» (А. С. Пушкин «Послание цензору»)) [Там же, т. 1, с. 195].

Тонкий, изысканный слог, более отвечающий вкусу подруги, поэт оттачивал не только в пылу полемики с цензором, часто юноша с радостью бежал из «непоэтических» городов и удалялся в трепетный мир природы. Эти тенистые места становились для влюбленных своеобразными садами Поэзии, где вольно распускались гармонические стихи-«цветы»: «*Для поэтических занятий, / Для жизни дельной и простой / Покинул я хмельных собратий / И цепь неволи городской. / Брожу, задумчивости полный, – / И лес шумит над головой, / И светлые*

играют волны, / И жатвы блещут предо мной! / Здесь муза – нежная подруга / Уединенного досуга – / Под мой отшельнический кров / В прохладе вечера приходит... / И луч востока нас находит / В раздолье сладостных трудов! / Здесь миловидная, как роза, / Моя поэзия цветет...» (Н. М. Языков «К Вульфу») [19, с. 204].

Цветущая поэзия, гармонические стихи имели своего адресата: они, как и цветы в «Венке» Мелеагра, были предназначены возлюбленной, и, как нельзя лучше, подчеркивали прелести девы, демонстрировали тонкое чувство красоты автора: *«Но помню я: была пора, / Я обожал уста и очи, / Чего-то ждал с утра до ночи, / О чем-то бредил до утра... / Стихов гармония и сила / Пленяла душу красоты; / Казалось мне – она любила / Мои весенние цветы...»* (Н. М. Языков «Воспоминание») [Там же, с. 178]. Последней строкой Языков игриво-двусмысленно говорит и о юношеских стихах-«цветках», которые были написаны для подруги, и о весенних цветах, принесенных ей в дар. Читатель встретит упоминание о цветах в значительном количестве эпиграмм, которые составили «Венок» Мелеагра, в элегических текстах Катулла и Проперция, приведем один из ярких примеров – эпиграмму Мелеагра: *«Вянет венок из цветов на висках у Гелиодоры, / Но сверкает она, – этот венок для венка»* [7, с. 235]. Сопоставление образов девы и юноши с цветком – пожалуй, доминантное сравнение античной и русской поэзии начала XIX века. Так в единый семантически-логический круг замыкаются следующие мотивы античной лирики и русского Золотого века: мотив упоения юношью – порой цветения; требование не упустить время для наслаждений. Вполне закономерно, что книга, составленная из чувственных реплик в пору расцвета любовной страсти, и в греческой литературе (речь идет о «Венке» Мелеагра), и в русской словесности представляет собой собрание стихов-«цветов», или иначе – антологию. Греческое слово *ανθολογία* означает «цветник» или, как уточняет М. Л. Гаспаров, «избранные цветы» [6, с. 246]. Отметим лишь, что семантика стихов-«цветов» в «Венке» Мелеагра Гадарского обусловлена поэтической индивидуальностью автора, эллинистический поэт детализировал и орнаментировал цветочно-растительное разнообразие эпиграмматических текстов: здесь строки из лирики Каллимаха словно приплетают к поэтическому «Венку» мирт, стихи Сапфо Мелеагр сопоставляет с розами, эпиграммы самого Мелеагра добавляют в общий орнамент левой... В русской же литературе сохранилась лишь обобщенная метафора – стихи-«цветы», она свидетельствовала о совершенном вкусе авторов, о гармонической прелести созданного текста, о том, что перед нами цветочное «подношение» юноши-поэта, предназначенное своей возлюбленной.

В 1820-х годах вышло сразу несколько русских антологий. О «Греческой антологии» К. Н. Батюшкова и С. С. Уварова, составленной из переложений на русский язык произведений античных авторов и лирических зарисовок самого Батюшкова, В. К. Кюхельбекер отзывался, восхищаясь удачной *«...пересадкою сих душистых, прекрасных греческих цветов в русскую землю...»* [12, с. 451]. Как настаивал Белинский, «поэт может вносить в антологическую поэзию содержание совершенно нового и, следовательно, чуждого классицизму мира, лишь бы только мог выразить его в рельефном и замкнутом образе, этими волнистыми, как струи мрамора, стихами, с этой печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древнего резца» [2, с. 120]. *Прелестные, грациозные, душистые, виртуозные* – вот наиболее часто встречающиеся коннотации антологических стихов-«цветов» в русской литературе 1820-х годов.

Подводя итог сказанному, отметим: в истории литературы есть эпохи, когда женщина становится законодательницей художественного вкуса, а любовь к ней – импульсом формирования нового стиля и нового чтения. В этот период книга более не служит фундаментом общенародной памяти о Поэте, (вспомним традицию «Памятников», идущую от Горация), теперь это – маленькая книга, лирический дневник тонко чувствующей души, антология-«цветник», книга, ставшая «памятником вечной красе».

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Стихотворения. М.: Худож. литература, 1977. 206 с.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Худож. литература, 1979. Т. 4. 654 с.
3. Брагинская Н. В. Влажное слово: византийский ритор об эротическом романе. М.: Изд-во РГГУ, 2003. 214 с.
4. Валерий Катулл, Альбий Тибулл. Секст Проперций / под ред. Ф. Петровского. М.: Худож. лит., 1963. 511 с.
5. Вацуро В. Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. 825 с.
6. Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. СПб.: Азбука, 2000. 480 с.
7. Греческая эпиграмма / изд. подгот. Н. А. Чистякова. СПб.: Наука, 1993. 448 с.
8. Дуров В. С. Римская поэзия эпохи Августа. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 228 с.
9. Зорин А. Л., Немзер А. С. Парадоксы чувствительности // «Столетия не сотрут...»: русские классики и их читатели. М.: Книга, 1988. С. 7-55.
10. Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1956. 546 с.
11. Карамзин Н. М. Сочинения: в 2-х т. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 456 с.
12. Кюхельбекер В. К. О греческой антологии // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 451-453.
13. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
14. Набоков В. В. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1010 с.
15. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
16. Поэты пушкинского круга. М.: Правда, 1983. 696 с.
17. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. 744 с. Т. 2. 688 с.
18. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 4. 520 с.
19. Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 688 с.

BOOK FOR WOMAN IN ANTIQUITY AND THE RUSSIAN LYRICS OF THE GOLDEN AGE

Prodanik Nadezhda Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Omsk State Pedagogical University
omsk.nadezhda@mail.ru

The main purpose of this article is to consider the phenomenon of the book in Antiquity and the Russian poetry of the Golden Age in those literature periods when a female muse was the setter of poetic taste. Direction of attention toward the female audience led to the appearance of a small book, the process of reading became intimate and secret, and the book was the “wreath” of poems—flowers” (Meleager) or “the monument of eternal glory” (Propertius). The poets of Pushkin’s circle, inheriting ancient traditions, revived the phenomenon of the book for a woman, and following Meleager called their poems as “flowers”. Feminine-centric nature of the Russian literature was one of the reasons for the appearance of the book anthology at the beginning of the XIX century.

Key words and phrases: history of ancient lyrics; the Russian poetry of the Golden Age; book for woman; book as “monument of eternal glory”; anthology; metaphor poems—flowers”.

УДК 811.11:811.16:81; 373

Филологические науки

В статье описываются концептуальные основания формирования ментальной структуры оценки. Основными целями настоящей статьи являются систематизация лингвистического и экстралингвистического научного опыта, анализ соответствующих словарных дефиниций, выявление основных конститuentов выбранной ментальной структуры и её специфической оценки, способной хранить, перерабатывать и транслировать опыт и особенности ценностного восприятия того или иного лингвокультурного сообщества посредством объективирующих собственно оценку лексем.

Ключевые слова и фразы: ценность; оценка; ментальная структура; концепт; концептуальные признаки; объективация.

Прохорова Ольга Николаевна, д. филол. н.

Чекулай Игорь Владимирович, д. филол. н.

Багана Жером, д. филол. н.

Куприева Ирина Анатольевна, к. филол. н.

Смирнова Станислава Борисовна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

prokhorova@bsu.edu.ru; chekulai@bsu.edu.ru; baghana@bsu.edu.ru;

kuprieva@yandex.ru; smirnova_s@bsu.edu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОЦЕНКИ[©]

Статья подготовлена при поддержке проекта, выполняемого вузом в рамках государственного задания на оказание услуг (выполнение работ) (проект № 2014/420-776).

Интерес ученых-современников к исследованию системного и функционального значения лексики в ответствующей речевой ситуации мотивирован анализом языковых фактов, свидетельствующих о том, что значение лексических единиц, модифицируясь в зависимости от определенных условий, остается понятным и передает необходимую часть информации. Более того, весьма существенным является и то обстоятельство, что коммуниканты воспринимают передаваемый семантикой смысл без каких-либо усилий. Таким образом, на лингвистический Олимп выходит проблема передачи смысла в дискурсивном пространстве современного вербального общения. Это дословно означает, что являясь материальным воплощением части ментальной структуры (т.е. профилируя ту или иную грань эталонной ситуации), лексема, помимо базовых инвариантных концептуальных идентификаторов, способна передавать специфические стороны этой же ситуации за счет приращения (коннотативного, экспрессивного, оценочного) смысла к собственному значению. Таким образом, встает вопрос о том, как же осуществляется добавление оценочного значения к семантике какой-либо лексемы, как происходит передача добавочного смысла семантикой лексики.

Если учесть постулаты современной лингвистики о том, что за каждым референтом номинации закреплена определенная ментальная структура, хранящая знания о нем, передающая их вербальным путем, то любая тематическая группа лексики имеет полное право на основании способности передачи знаний об этой ментальной структуре в определенных условиях соотноситься с ней в качестве вербализаторов различного